

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЖАНРОВЫХ ОПРЕДЕЛЕНИЙ**

**В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА**

**(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА)**

В древнерусской литературе очень часто жанровые определения попадали в заглавия произведений. При этом были возможны разные варианты. Так, существовали памятники, заглавия которых содержали только жанровое определение, например *«Житие и хождение Даниила Русския земли игумена»* в Святую землю (1106–1108 гг.); *«Слова»* Кирилла Туровского (XII в.) и Серапиона Владимирского (XIII в.), *«Житие Феодосия Печерского»* (начало XII в.) и мн. др. Наряду с этими случаями, иногда встречаются варианты, когда жанровое определение, включенное в заголовок, дополняется словом «повесть»: *«Повесть о житии Александра Невского»* (вторая половина XIII в.), *«Повесть от жития Петра и Февронии Муромских»* (середина XVI в.) и некоторые др. Само слово «повесть» в древнерусской традиции (по крайней мере до XV, а скорее всего – даже до XVII в.) не имело значения жанрового определения и выступало синонимом к слову «повествование»; т. е. «повестью» могло называться все, что «повествуется», любой книжный текст (достаточно вспомнить хотя бы *«Повесть временных лет»* – начальный фрагмент дошедших до нас русских летописей или *«Повесть Кирилла многогрешнаго мниха к Василию игумену Печерьскому о белоризце человеце и о мнишьстве, и о души и о покаянии»* – одно из «слов», т. е. проповедей Кирилла Туровского). Аналогично (и, возможно, синонимично) использовалось слово «сказание» (*«Сказание о Мамаевом побоище»* – воинская повесть; *«Сказание, страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба»* – житийная; *«Сказание об Индийском царстве»* – переводное утопическое произведение и т. д.). Начиная приблизительно с XV в. такое же общее значение приобретает и термин «слово», ранее устойчиво обозначавший именно произведения ораторского красноречия<sup>1</sup>. Названия, в которых не содержится жанровых определений, в древнерусской литературе до XVI в. встречаются не так уж часто<sup>2</sup>.

Во второй половине XVII – первой половине XVIII в. ситуация, как представляется, несколько меняется. Жанровые определения по-прежнему часто фигурируют в заголовках произведений<sup>3</sup>. Но в переходную эпоху их функционирование, судя по всему, становится иным. Если раньше имеющиеся жанры выстраивались в определенную систему и поддавались общему обзору, кроме того, писатели, озаглавливая свое произведение, предпочитали общее жанровое определе-

ние частному, то теперь читателю (причем, видимо, пока еще мало к этому подготовленному) приходилось иметь дело с многочисленными новыми и, как правило, довольно частными жанровыми обозначениями, по большей части заимствованными из европейской (латинской и средневековой) литературной теории.

Но сначала рассмотрим продолжающие встречаться в заголовках произведений традиционные жанровые обозначения. Из общих жанровых определений в рассматриваемую эпоху преобладает термин «повесть». Во второй половине XVII в. под «повестью» понимается, судя по всему, уже не просто «повествование», а именно литературный жанр, средняя форма эпической прозы<sup>4</sup>. Повести XVII в. условно делятся исследователями на бытовые («Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Фроле Скобееве»), исторические («Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», «Повесть о начале Москвы»), историко-легендарные («Повесть о Тверском отрочем монастыре»), приключенческие (т. е. восходящие к западноевропейским романам «прототипам»: «Повесть о Бове-королевиче», «Повесть о Еруслане Лазаревиче», «Повесть о Брунцвике», «Повесть о Петре Златых Ключей», «Повесть о римском цесаре Оттоне», «Повесть о Василии Златовласом»), условно называемые «сатирическими»<sup>5</sup> («Повесть о Шемякином суде», «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о бражнике»).

Сохраняется в переходную эпоху и термин «сказание». «Сказаниями» называют как традиционно (с ранней древнерусской эпохи) относимые к этому жанру повествования об исторических событиях и о чудесах святых икон (прежде всего богородичных), так и повести. Например, «Сказание о богатом купце» – назидательная повесть; «Сказание о киевских богатырях, как ходили во Царьград и как побии цареградских богатырей, учинили себе честь» – книжное переложение былинных сюжетов; «Сказание о молодце и девице» – фривольно-эротический диалог и т. д. Как и раньше, термины «сказание» и «слово» продолжают смешиваться: известно «Слово и сказание о некоем купце», написанное на популярную в XVII столетии тему договора человека с дьяволом; «Сказание о древе златом, и о златом попугае, и о царе Михаиле, да о царе Левкасоре» – цикл легендарных рассказов о византийском императоре Михаиле III, сложившийся во второй половине XVII в., в ряде списков называется «Словом о благочестивом царе Михаиле». Также оказываются взаимозаменяемыми термины «сказание» и «повесть»: в рукописной традиции «Сказание о куле и лисице» может называться и «Повестью о куле и лисице».

Становится популярным в XVII столетии первоначально, судя по всему, синонимичным определениям «повесть» и «сказание» термин «история». «Историями» могут называться переводные авантюрно-приключенческие повести, восходящие к романным прототипам («История о Мелюзине», «История о Гендрике и Меленде»), оригинальные историко-биографические повествования («История о первом Иове, патриархе Московском и всея Руси» – житийно-биографическая историческая повесть о деятельности первого русского патриарха Иова, сложившаяся в начале второй половины XVII в.), произведения комической словесности (в одном из рукописных сборников середины XVIII в. «историей» называется все та же «Повесть о куре и лисице»<sup>6</sup>) и даже пьесы («История о царе Давиде и царе Соломоне» – пьеса школьного репертуара, датируемая началом 20-х годов XVIII в.).

При этом в первой трети XVIII в. этот термин наиболее часто употребляется в «латинизированном» варианте («*гистория*»), продолжая по традиции входить в заглавия целого ряда произведений («*Гистория* о российском матросе Василии Кориотском», «*Гистория* о ковалере Александре, российском дворянине», «*Гистория* о шляхетском сыне», «*Гистория* о российском купце Иоанне»). В такой языковой форме он, видимо, отражал характерную для петровского времени любовь к иностранным словам. Однако возможно термин «гистория» все-таки следует считать не общим, а частным жанровым определением, поскольку им объединяются более или менее однотипные произведения, для которых характерно, как отмечают исследователи, сочетание традиции бытовой и приключенческой повести второй половины XVII в.

Чрезвычайно популярным в XVII столетии становится жанр диалога, мало распространенный в древнерусской литературе в предшествующий период<sup>7</sup>. В переходную эпоху форма диалога оказывается чрезвычайно востребованной. Исследователи видят в этом явлении связь с «театрализованностью» барочной культуры, оказавшей влияние на различные сферы русской жизни того времени. Иногда указание на диалогическую форму выносится в заглавие произведения («*Беседа* отца с сыном о женской злобе» или «*Разговор* между двумя товарищами, из которых один зело любил пить вино, а другой не любил»), в других случаях название содержит более общее жанровое определение (в форме диалога написаны уже упоминавшиеся «Сказание о молодце и девице» или «Повесть / Сказание / История о куре и лисице»).

Многочисленными частными жанровыми определениями, относящимися к эпическим литературным родам, изобилуют рукописные сборники второй половины XVII – первой половины XVIII в. Рассмотрим лишь некоторые из них.

Своеобразны жанровые определения, которыми обозначают свои произведения анонимные авторы – создатели произведений так называемой «демократической сатиры» или «смеховой литературы». Пародирование серьезных жанров как основа творческого метода этих писателей приводит к тому, что в заголовки попадают указания на жанры деловой письменности («Калязинская *челобитная*», «От курей на петуха *челобитная*», «*Лечебник* на иноземцев», «*Рецепт*, како лечиться человеку похмельному», «*Роспись* о приданом» и др.). В данном случае наличие в заглавии литературного произведения жанрового определения, не принадлежащего к сфере литературы, судя по всему, с самого начала создает комический эффект, настраивая читателя на юмористическое восприятие читаемого далее текста.

В 1680 году на русский язык был переведен сборник «Фацеции польские». Под «*фацецией*» (лат. *facetia* – шутка, острота) в литературоведении традиционно понимается короткий забавный рассказ анекдотического характера. Этот термин заимствован из заглавия популярного сборника итальянского писателя Поджо Браччолини (XV в., написан на латинском языке), основой для которого послужили многочисленные устные рассказы, записанные автором в различных областях Италии. В эпоху Средневековья такие повествования были распространены во многих европейских странах: это французские фавлю, немецкие шванки, итальянские новеллино. Этот богатый арсенал полуфольклорных полубродячих сюжетов позднее широко использовали писатели Ренессанса, создавая высокохудожественные обработки средневековой новеллистики, вершиной которых, несомненно, являются «Декамерон» Дж. Боккаччо и «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера. Однако даже после такой «кодификации» эти сюжеты продолжали и в разрозненном виде кочевать из страны в страну, произвольно соединяясь друг с другом в сборниках различных авторов и переписчиков. В XVI–XVII вв. эти рассказы были широко распространены в Польше, где входили в разнообразные сборники демократической прозы. Доступная форма изложения, близость к реальной жизни простых людей, занимательный сюжет и сравнительная краткость не только обеспечили фацециям широкое распространение в России, но и способствовали появлению большого количества их последующих обработок. Одним из опытов такой обработки были появившиеся в 30–50-х годах XVIII в. сборники сти-

хотворных *жартов*. Заглавия этих сборников могут формулироваться по-разному в зависимости от редакции («Польские забавные *жарты*», «Увеселительные *жарты*», «Фигурные жарты»), сам термин образован от польского слова *żart* с тем же значением «шутка». Эти сборники также неоднократно переписывались и были не менее популярны, чем прозаические фацеции. Они тоже не были опубликованы полностью, хотя часть текстов (менее ¼ от общего объема) вошла в выдержавший огромное количество переизданий печатный сборник «Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были»<sup>8</sup>, первое издание которого вышло в Санкт-Петербурге в 1790 г.<sup>9</sup>

Не позднее последней четверти XVII века с польского языка был переведен сборник повестей и изречений «Апофегмата». Слово «*апофегмата*» восходит к греческому *αποφθεγμα* – изречение. Этот жанр был мало распространен в русской литературе вплоть до второй половины XVII в., но имел богатую историю в античной и западноевропейской литературах. Наиболее известный античный пример – «*Aprophthegmata Laconica*» («Спартанские изречения») Плутарха. Особенную популярность в западноевропейских литературах апофегматы приобрели в XVI-XVII вв. К этому жанру обращались Э. Роттердамский, Дж. Боккаччо, Ф. Петрарка и др. Наибольшую известность и распространение в польской литературе получили «Апофегмата» Беняша Будного, в восточнославянских литературах особо распространены были «Апофегмата» А.Б. Будного, уроженца Литвы, переводчика и писателя эпохи Реформации. Полное название памятника традиционно длинно: «Апофегмата, то есть кратких, витиеватых и нравоучительных речей книги ... в них же положены различные вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и разговоры различных древних философов»<sup>10</sup>. Очевиден особо пристальный интерес составителя сборника к «речам», к сказанному слову, изречению, ответу или вопросу. «Мысль изреченная» пока что не «есть ложь», напротив, она обладает одной из высших степеней авторитетности для читателя, поскольку все высказывания, так или иначе попадающие на страницы книги, приписываются более или менее известным древнегреческим и древнеримским мудрецам или государственным и политическим деятелям. Известный в большом количестве рукописей, сборник «Апофегмата» неоднократно публиковался в XVIII в. отдельными изданиями (первое издание вышло в 1711 г.) и частями (так, например, отдельные рассказы вошли в знаменитый «Письмовник» Н.Г. Курганова).

Из жанров, впоследствии получивших распространение в литературе классицизма, следует отметить басню. История басни в России оказывается довольно

долгой. Впервые русский читатель познакомился с этим жанром в самом начале XVII в., когда Ф. Гозвинский перевел на русский язык *«Притчи, или Баснословие Эзопа Фриги»* (1607; впоследствии заглавие утрачивает жанровое определение, и труд Гозвинского становится популярным в рукописной традиции под названием *«Книга глаголемая Эзоп»*). Заметим, что в первоначальном заглавии сборника фигурируют два жанровых определения; таким образом, с самого начала в русской литературе жанры притчи и басни сближаются. Р.Б. Тарковский отмечал, что «вместе с притчами Г[озвинский] перевел и суждения о басне из риторических прогимнасм римского ритора Автония (III-IV вв.), за три четверти века до Иоанникия и Софрония Лихудов и за полтора века до Ломоносова познакомив русского читателя с теоретической характеристикой жанра, классификацией и определением его разновидностей, особо выделив назначение сентенции»<sup>11</sup>.

Далее наступает период так называемой барочной басни, представленной главным образом творчеством Симеона Полоцкого. Но в заглавиях его стихотворений, и по сути представляющих собой басни, и отчасти восходящих к басням Эзопа, отсутствуют какие бы то ни было жанровые определения. Такова, например, вольная переделка эзоповской басни «Рыбак» – стихотворение «Труба», о котором Л.И. Сазонова говорила как о ярком примере барочной басни<sup>12</sup>. В Петровскую эпоху басни Эзопа («Притчи Эсоповы») неоднократно издавались. Как отмечают исследователи, они «издавна входили в школьный канон, и перевод их был напечатан параллельно с латинским текстом для обучения латыни»<sup>13</sup>. А в середине XVIII столетия в связи с расцветом классицизма в России басня (с легкой руки А.П. Сумарокова, высоко ценившего этот жанр и, в отличие от Н. Буало, нашедшего ему место в жанровой системе классицизма) становится одним из ведущих классицистических жанров. Однако свои собственные басни А.П. Сумароков часто называет в подзаголовках притчами, смешивая эти два жанровых определения, а во второй половине XVIII в. к ним добавляется еще и третье – «сказка» (имеется в виду так называемая стихотворная сказка-новелла).

Довольно общими оказываются во второй половине XVII в. жанровые определения, при помощи которых обозначаются драматические жанры. Эквивалентом современного родового понятия «драма» в то время выступали, судя по всему, два термина: *«действие»* (например, *«Артаксерксово действие»*, *«Олоферново действие»*, *«Темир-Аксаково действие»* и др.) и *«комедия»* (*«Комедия притчи о блудном сыне»* Симеона Полоцкого, *«Жалобная комедия об Адаме и Еве»*, *«Малая прохладная комедия об Иосифе»* и др.). При этом, как отмечалось исследова-

телями ранней русской драматургии, «*жалобная комедия*» в понимании драматургов XVII столетия означала примерно то же самое, что современное жанровое определение «трагедия», а «*прохладная комедия*» – синоним современного жанрового определения «драма». В театре рубежа XVII-XVIII в. прижились и обозначения для небольших комических сценок, которые разыгрывались в перерывах между актами основной пьесы: их называли *интермедиями*, *интерлюдиями* или – когда значение этих латинских слов пытались передать по-русски – «*междувбросенными действиями*».

Интересным примером образования нового жанрового определения в области драматургии является введенное Феофаном Прокоповичем как в теорию литературы («Поэтика», 1705), так и на практике («Владимир», 1705) жанровое определение «трагедокомедия». Феофан Прокопович выступал за единство драматического действия и считал, что интермедии, даже частично связанные по содержанию с действием основной пьесы, расхолаживают зрителя и отвлекают его внимание. Поэтому он выступил с пьесой, сочетающей в себе высокое и смешное, трагическое и комическое, обосновав возможность такого жанра ссылкой на римского драматурга Плавта с его «Амфитрионом».

И лишь появление классицизма в русской литературе XVIII в. направило драматургию того времени по пути противопоставления двух жанров – трагедии и комедии, что привело к постепенному складыванию в России современной системы драматургических жанров<sup>14</sup>. Постепенность этого процесса и западноевропейское влияние на него, как неоднократно отмечали исследователи, отражалось и в названиях драматических жанров первой половины XVIII в.: «*“комедия”* именовалась также и *“позорищем”*, *“трагедия”* могла называться *“печальным игранием”*, малая комедия – *“пети-пъес”* и т. п.» (курсив везде мой. – А. А.)<sup>15</sup>.

Говорить о жанровых определениях (как общих, так и частных) применительно к лирическим произведениям в рассматриваемую эпоху еще рано. Лирика находится еще в стадии формирования, складывания, становления. С появлением стихосложения русские авторы в ряде случаев в заголовке текста отмечают его стихотворную форму, используя польское по происхождению (как и сама силлабическая система) слово «*вирши*». Таковы, например, «Вирши о взятии Азова в 1696 году» – анонимный стихотворный панегирик конца XVII – начала XVIII в., посвященный победе над турками под Азовом. Возможно, писатели того времени считали термин «*вирши*» отчасти и жанровым определением. В целом же, как представляется, можно сказать, что первоначальная система лирических жанров

оказалась в России целиком заимствованной из западноевропейской традиции в период классицизма.

<sup>1</sup> Как представляется, в заголовке «Слова о полку Игореве» содержится именно указание на жанровую принадлежность (или, по крайней мере, на одну из жанровых составляющих) памятника, что подтверждается наличием в тексте «Слова» многих черт, характерных для произведений ораторского красноречия. Другое дело, что и в этом случае имеет смысл говорить об уникальности памятника, потому что все остальные дошедшие до наших дней памятники в жанре слова относятся к церковному красноречию, а «Слово о полку Игореве» представляет собой яркий пример красноречия светского.

<sup>2</sup> Например, «Шестоднев», «Физиолог», «Пчела», хотя при известных оговорках и эти названия можно считать вариантами жанровых определений; «Деяние прежних времен и храбрых человек: о дерзости и о храбрости и о бодрости прекрасного Девгенія» и некоторые другие.

<sup>3</sup> Напомним, что эта черта сохранилась для некоторых классицистических (*ода*) или сентименталистских (*элегия*, *идиллия*) жанров в XVIII столетии, а затем, видимо, несколько видоизменившись, осталась как обозначение некоторых лирических жанров в поэзии XIX–XX вв. (*сонет*, *стансы* и др.).

<sup>4</sup> Зарождение жанра повести относится исследователями к XV столетию (см., например, предисловие к книге: Русские повести XV–XVI вв. М.–Л., 1958). Медиевисты неоднократно отмечали преемственность XVII столетия по отношению к XV как бы «через голову» XVI в. И в рамках интересующей нас темы эта преемственность также проявляется: возникнув в XV в., жанр повести оказывается не слишком актуальным в XVI столетии, а вот в XVII в. он доминирует в литературной системе.

<sup>5</sup> Следует иметь в виду, что современные исследователи неоднократно отмечали условность этого термина, введенного в свое время В.П. Адриановой-Перетц для объединения целой группы произведений XVII столетия под общим названием «демократической сатиры» (см.: Адрианова-Перетц В.П. У истоков русской сатиры // Русская демократическая сатира XVII века. М.–Л., 1954. С. 137–187). В качестве альтернативы предлагаются термины «смеховая литература» или «комическая словесность».

<sup>6</sup> РНБ Q.XIV.27. Л. 33–52об.

<sup>7</sup> Из дошедших до нас текстов можно назвать разве что «Прение живота и смерти» (более раннее название, в котором явно отразилось стремление переводчика обратить внимание читателей на новый жанр, звучит так: «Двоесловие живота и смерти, сиречь стяжание животу с смертию») – перевод-переделку одноименного немецкого диалога, датируемую 90-ми годами XV в., да «Стяжание любостязательного с нестяжательным» и «Беседу ума с душою» Максима Грека (XVI в.), судя по всему, форму диалога очень любившего.

<sup>8</sup> Заметим в скобках, что подзаголовок «Старинные московские *были*» также в некотором роде можно считать жанровым определением, и тогда это название резко контрастирует с предыдущими, актуализирующими прежде всего «шуточность» этих текстов.

<sup>9</sup> Возможно, что первым изданием был напечатанный без указания места издания и года издания сборник «Старичок-весельчак, рассказывающий давния московския были и польския диковины», который условно датируется исследователями 1789 годом и хранится в единственном экземпляре в Отделе редкой книги БАН. Начиная с 1790 г., за сборником закрепляется название «Старичок-весельчак, рассказывающий давния московския были».

<sup>10</sup> Это заглавие фигурирует, например, в начале сборника «Апофегмата», изданного в Санкт-Петербурге в 1781 г.

<sup>11</sup> Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII век. Часть 1. Спб., 1992. С. 204.

<sup>12</sup> Сазонова Л.И. От басни барокко к басне классицизма // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. М., 1989. С. 130–131.

<sup>13</sup> История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. Спб., 1995. С. 85.

<sup>14</sup> Отметим здесь, несколько выходя за хронологические рамки нашей работы, что и в более позднее время появлялись оригинальные жанровые определения драматургических произведений. Так, нам кажется чрезвычайно показательным, что «классицистический» период русской драматургии XVIII в. начинается с «трагедокомедии» Феофана Прокоповича «Владимир» и заканчивается «шутотрагедией» (тоже авторское определение) И.А. Крылова «Трумп».

<sup>15</sup> История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 2. Драматургия. Поэзия. Спб., 1995. С. 23.